

ТЕМАТИЧЕСКИЕ СООБЩЕНИЯ

ОБРАЗ ВРАГА КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ
ОСНОВАНИЕ ПОНИМАНИЯ МУСУЛЬМАНСКИХ
ТЕРРОРИСТОВ РОССИЯНАМИ

В.В. ЗНАКОВ

Проанализированы типичная для современного мира тенденция конфликтного противостояния христианских и мусульманских ценностей, а также психологические исследования формирования образа врага. Приведены результаты трех эмпирических исследований, проведенных в семи городах России. В одном изучались представления о мировоззрении и человеческих качествах мусульманских террористов у испытуемых, принадлежащих к разным этнорелигиозным группам. Второе исследование было направлено на анализ отношения к мусульманам у людей, различающихся по личностным характеристикам. В третьем анализировались территориальные различия в отношении к мусульманам и к стратегии государства в борьбе с терроризмом. Обнаружено: 1) в сознании значительной части россиян теракты ассоциируются с мусульманским терроризмом; 2) мировоззренческое принятие или отвержение северокавказских мусульман как потенциальных террористов распространяется на всю эту этнорелигиозную группу; 3) убеждение в трудности формирования хорошего отношения к мусульманам связано с психологическими особенностями личности человека (самооценкой, жизнестойкостью, отношением к смерти); 4) лучшее понимание мотивов поведения террористов проявляют люди, живущие в мусульманской социокультурной среде.

Ключевые слова: понимание, идентификация, образ врага, чужой, мусульманский терроризм.

Современный мир стремительно меняется: взрывы народного недовольства в Египте, Сирии, Ливии и других странах, «оранжевая» и другие революции, кампания «Оккупируй Уолл-стрит», финансовые потрясения в Европе. В этих условиях образ врага вновь стал одной из значимых составляющих массового сознания, а при попытках его конкретизации многие люди все чаще указывают на мусульман. В наши дни проблема противостояния и якобы несовместимости христианских и мусульманских ценностей переместилась из культурной плоскости в политическую и социально-психологическую, в которых главным становится со-бытие людей и их

толерантное отношение друг к другу. Как научные исследования, так и политические тенденции развития современного мира обнаруживают явное неблагополучие в этой сфере.

В США в 2005 г. были опубликованы результаты исследования установок американских христиан по отношению к проживающим в этой стране мусульманам, которое обнаружило наличие неявного, выявляемого только с помощью «Теста имплицитных ассоциаций» [18], предубеждения христиан по отношению к мусульманам. Чем хуже христиане относятся к мусульманам, тем в большей степени у них проявляются антиарабский расизм, авторитаризм правого толка и религиозный фундаментализм [26]. Сходные тенденции развития интолерантности наблюдаются в Европе. 18 октября 2010 г. канцлер Герма-

нии Ангела Меркель сделала заявление, ставшее мировой сенсацией. Обращаясь к участникам конференции христианско-демократической молодежи, глава германского правительства объявила об «абсолютном крахе» политики мультикультурализма. Это произошло после выхода в свет книги главы Бундесбанка Т. Саррацина «Германия самоликвидируется. Как мы ставим на карту нашу страну» [27]. В ней автор открыто говорит об угрозах для Германии, которые несут мигранты-мусульмане. В феврале 2011 г. президент Франции Н. Саркози также признал провал политики мультикультурализма, которая была направлена на сохранение и развитие культурных и религиозных различий во французском обществе.

Однако за неудачу в построении многонационального и многоконфессионального государства ответственны не только мусульмане, но и христиане. По результатам опроса, проводившегося в 2006 г., 98% немцев связывают ислам с террором и насилием, 83% характеризуют мусульман как религиозных фанатиков, 61% немцев сомневаются в том, что ислам может сосуществовать в мире с христианством, и только 6% высказывают по отношению к исламу симпатию [25; 11]. Вместе с тем фатальными для интеграции общества являются такие речи, как, например, произнесенная в Кёльне перед 20 тыс. восторженных слушателей — эмигрантов из Турции турецким премьер-министром Р.Т. Эрдоганом: «Никто не может ожидать от вас, что вы ассимилируетесь. Ассимиляция — преступление против гуманности» [Там же]. Не лучше, чем в Европе, с преодолением атмосферы вражды дело обстоит и в исламском мире. В 2011 г. ученые из Стамбульского университета провели исследование среди молодежи с целью определить уровень радикальных и экстремистских взглядов. Было опрошено более 1,5 тыс. молодых людей из разных городов Турции в возрасте от 17 до 25 лет. Результаты опроса показа-

ли, что около 60% опрошенных не хотели бы видеть своими соседями евреев и более 52% — христиан.

Усиление исламского фактора в общественно-политической жизни, нередко сопровождающееся проявлениями экстремизма, наблюдается во многих регионах мира. Типичный пример — серия террористических атак в Нигерии, направленных против прихожан, которые выходили из храмов после праздничной службы. 25 декабря 2011 г. в разных городах страны были взорваны пять христианских церквей, где проходили рождественские богослужения. Ответственность за теракты взяла на себя радикальная исламистская группировка «Боко Харам». Название этого политического объединения в расширительном смысле можно перевести как «запрет западного (не мусульманского) образа жизни». Оно добивается введения шариата на всей территории самой многонаселенной (почти 150 млн человек) страны Африки.

Процессы возрождения ислама наблюдаются и в России. У нас в стране это проявляется, в частности, в том, что «здесь окрепло исламистское фундаменталистское движение, основанное на принципах салафитии (направления, выступающего с призывом ориентироваться на образ жизни и веру ранней мусульманской общины и квалифицирующего как порицаемое заблуждение все нововведения), ориентирующее на политическую борьбу, захват власти, построение исламского государства на всем Северном Кавказе» [2; 3–4]. Неудивительно, что многих известных общественных деятелей и ученых беспокоит то, что негативной стороной исламизации во многих регионах современного мира оказывается такое смещение в представлениях об общечеловеческих ценностях, на основании которого становятся допустимыми теракты и другие проявления массового насилия. Например, В.Ф. Петренко пишет: «В наших посылках мы исходим из

того, что террористические акты 11 сентября идеологически являются патогенной мутацией ислама, который как одна из мировых религий содержит в своей основе некие общечеловеческие ценности, и как мутация могут произойти и в рамках иного религиозного или квазирелигиозного сознания» [10; 258].

В психологической науке более общим контекстом по отношению к решению проблем конфликтного противостояния христианских и мусульманских ценностей является анализ внешних и внутренних психических условий формирования образа врага. Последнее как политическая и социально-психологическая проблема очень актуально для нашей страны. В современной России дихотомическое деление людей по признакам «мы — они», «свои — чужие», «друзья — враги», к сожалению, стало повседневной реальностью. Все политики и общественные деятели на словах стремятся к всеобщему благоденствию и справедливому социальному устройству. Однако, не зная основ общественной психологии, нередко они выбирают средства достижения этих целей, способствующие нарастанию социальной вражды, разжиганию межнациональной и межконфессиональной розни. Примером может служить главный лозунг «За русских!» одной из парламентских партий.

Сегодня дискурс публичных обсуждений включает множество высказываний, в которых упоминаются названия политических партий, движений, религиозных конфессий, явно неудачные с точки зрения провозглашаемой их сторонниками направленности на объединение российского общества: «Наши», «Общенациональный народный фронт», «Народное ополчение», «Мусульманский терроризм» и т.п. Участие больших групп молодежи в движении «Наши» основано на социальном представлении о существовании «ненаших». Выражение «мусульманский терроризм», политически некорректное и

неверное по существу, разделяет мусульман (в 2003 г. В.В. Путин сказал, что в России их живет около 20 млн) и россиян, исповедующих другие религии, а также атеистов. В мирное время в невоюющей стране странно слышать об ополчении — военном формировании, создающемся во время войны и предназначенном для пополнения действующей армии. Назвав новое политическое движение «Общенациональным народным фронтом», его создатели наверняка имели в виду одно из переносных значений слова: «Фронт — объединение общественных сил для действий в каком-нибудь направлении» [9; 701]. Между тем большинство основных словарных значений этого понятия указывают на место, район военных действий, разделяющих воюющих *противников*.

Можно предположить, что в нашей стране с ее богатой военной историей у людей, далеких от политики, актуализируется, прежде всего, прямое значение слова «фронт», связанное с войной и противостоянием. Предварительное эмпирическое подтверждение этого мнения можно получить путем элементарных опросов. Например, летом 2011 г. я попросил 50 человек из семи городов назвать три слова, ассоциирующихся со словом «фронт». Из 150 ассоциаций 127 были связаны с противостоянием в социальном и природном мире: «борьба», «враги», «смерть», «грозовой», и только в 23 случаях были названы «общественное объединение», «народный», «коррупция», «Рот Фронт». Очевидно, что у этих 50 человек значимо преобладают ассоциации, связанные с основными значениями обсуждаемого понятия ($\chi^2 = 72,11$; $p < 0,001$). Следовательно, использование лексики, подобной приведенной выше, явным, а еще в большей степени — неявным, неосознаваемым образом способствует не объединению, а, наоборот, разъединению людей по различным основаниям.

Все сказанное выше о дихотомиях можно было бы считать недоразумением,

если бы названные дискурсивные оппозиции не порождали конфликты в сознании многих россиян. А поскольку сознание неразрывно связано с действием, то конфликтные представления, существующие у больших социальных групп, нередко проявляются в поступках, направленных против тех, кого они не только внутренне не принимают, но и на поведенческом уровне отвергают. Достаточно вспомнить беспорядки в карельском городе Кондопога в сентябре 2006 г., 11 декабря 2010 г. на Манежной площади в Москве, нападение на участников пикетов движения «Наши» со стороны защитников Б. Немцова рядом со следственным изолятором, в котором его содержали в январе 2011 г.

Один из значимых результатов предыдущих исследований ([4], [5]) заключается в том, что в основе понимания россиянами психологии террориста лежит образ врага — чужого, который скорее внушает страх и актуализирует мысли о собственной смертности, чем побуждает к рациональному осмыслению проблем, связанных с террором.

Основная цель статьи — выяснить, связывается ли в обыденном сознании россиян образ врага с человеком, исповедующим ислам, и причисляют ли они граждан нашей страны, совершающих теракты, к мусульманским террористам.

Для реализации этой цели было проведено три исследования.

ЭТНОРЕЛИГИОЗНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ИСПЫТУЕМЫХ И ИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ТЕРРОРИСТАХ

В научной литературе распространены суждения об этнорелигиозной природе терроризма: большинство терактов совершают исламские радикальные фундаменталисты и, следовательно, мусульманское религиозное мировоззрение якобы является одним из источников, питательной средой для взращивания тер-

рористов. В этой связи цель *первого* этапа исследования заключалась в определении того, согласны ли с этим суждением россияне. В нем приняли участие 661 житель Москвы, Самары, Саранска и Краснодарского края (Сочи, Майкоп, Краснодар) — 423 женщины и 238 мужчин в возрасте от 17 до 85 лет ($M = 27,7$ года, $SD = 12,1$).

Методика. Испытуемые анонимно отвечали на пять вопросов. Первый относился к мнению участника исследования о том, представители какой этнорелигиозной группы чаще других совершают теракты на территории нашей страны. Выбор осуществлялся из официально признанных в России девяти конфессий: христиане-православные; христиане-католики; христиане-протестанты; поволжские мусульмане (татары, башкиры и др.); северокавказские мусульмане (чеченцы, дагестанцы, ингуши и др.); среднеазиатские мусульмане (таджики, узбеки и др.); «внешние» мусульмане (постоянно проживающие в России арабы, турки, курды и др.); иудеи (приверженцы еврейских религиозных и культурных традиций); буддисты — и неверующие, атеисты.

Затем по шестибальной шкале (от «полностью согласен» до «совершенно не согласен») испытуемые указывали степень своего согласия/несогласия с тремя следующими утверждениями:

«Люди из этой этнорелигиозной группы составляют значительную часть населения России, они имеют такое же право на свою религиозную веру (в том числе на исполнение религиозных обрядов в предназначенных для этого культовых зданиях и сооружениях), как и я»;

«Не террорист, а любой другой представитель этой этнорелигиозной группы вполне может быть хорошим добрым человеком»;

«Люди из этой этнорелигиозной группы могут быть моими друзьями».

В завершение следовал вопрос об этнорелигиозной самоидентификации: «Ука-

жите, к какой из перечисленных выше групп вы относите себя».

Статистическая обработка данных осуществлялась методом χ^2 и с помощью непараметрического критерия Манна–Уитни.

Результаты. Из 661 человек 545 считают, что теракты чаще всего совершают северокавказские мусульмане: $\chi^2 = 278,4$; $p < 0,001$. Значение статистического критерия с вероятностью ошибки 0,1% позволяет утверждать, что это – не случайное, а закономерное мнение данной выборки испытуемых. В исследовании приняли участие 90 человек, отнесших себя к северокавказским мусульманам, 67 из них тоже разделяют мнение о том, что именно мусульмане с Северного Кавказа чаще всего совершают теракты, и оно неслучайно: $\chi^2 = 25,1$, $p < 0,001$.

Две наиболее многочисленные части выборки составили православные христиане (443 чел.) и северокавказские мусульмане (90 испытуемых). Чем различаются ответы двух указанных групп? Христиане скорее не согласны, а мусульмане скорее согласны с правом террористов на свою религиозную веру: $U = 11598$, $p < 0,001$. Христиане в меньшей степени, но все-таки согласны, что мусульманин может быть хорошим человеком: $U = 16320$, $p < 0,004$.

Однако если проанализировать результаты всей выборки, то становится ясно, что в целом испытуемые проявили религиозную терпимость: 458 из них согласны с правом террористов на религиозную веру и только 203 не согласны: $\chi^2 = 98,4$; $p < 0,001$. Сравнение 458 согласных и 203 несогласных показывает, что согласные в большей степени верят в возможность доброты народа, к которому принадлежат террористы: $U = 34721$, $p < 0,001$. Несогласные, в отличие от согласных, не хотят иметь друзей из этой этнорелигиозной группы: $U = 30399$, $p < 0,001$. Итак, во-первых, нет сомнений в том, что в сознании значительной части россиян теракты ассоциируются с мусуль-

манским терроризмом. Во-вторых, мировоззренческое принятие или отвержение северокавказских мусульман как потенциальных террористов распространяется на всю эту этнорелигиозную группу: на специфику понимания ее отдельных представителей как хороших добрых людей и потенциальных друзей испытуемых.

ОТНОШЕНИЕ К МУСУЛЬМАНАМ И ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИСПЫТУЕМЫХ

Цель *второго* этапа исследования заключалась в определении личностных особенностей людей, более и менее позитивно относящихся к мусульманам. В нем приняли участие 153 жителя Москвы, Самары и Орла (91 женщина и 62 мужчины) в возрасте от 17 до 58 лет ($M = 30,4$ года, $SD = 12,9$).

Методика. Сначала испытуемые анонимно заполняли опросники: «Тест жизнестойкости» в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой; «Личностный дифференциал» (Е.Ф. Бажин, А.М. Эткинд); «Шкала тревоги смерти¹ DAS» Д. Темплера в адаптации Т.А. Гавриловой. Затем по шестибальной шкале (от «полностью согласен» до «совершенно не согласен») испытуемые отвечали на 12 вопросов. Они касались четырех предметных областей: представлений испытуемых о личностных и социально-демографических характеристиках террористов, оценки вероятности стать жертвой теракта, отношения к методам проведения контртеррористических операций, отношения к мусульманам. Здесь проанализируем только ответ на ключевой вопрос из последней группы: «Русским людям трудно так же хорошо от-

¹ Обращаем внимание читателей на то, что выражение «тревога смерти» не удовлетворяет литературным нормам русского языка; можно тревожиться о чем-то или по поводу чего-то, а также за что-то. Правильнее было бы перевести название данного опросника как «Шкала страха смерти». – *Примеч. ред.*

носиться к мусульманам, как к православным христианам».

Результаты. Основная задача состояла в выявлении личностных различий между испытуемыми, согласными с тем, что к мусульманам трудно относиться так же, как к православным, и не согласными с этим. Первая группа (84 человека) не отличается от второй (69 испытуемых) по полу, но немного младше: $M = 27,9$ года и $M = 33,5$ года, $p < 0,03$. По критерию χ^2 различия между числом членов в группах статистически не значимы. Значит, нельзя утверждать, что в выборке преобладают «согласные» или «несогласные». Однако различаются ли они по личностным характеристикам?

У согласных с трудностью принятия мусульман выше самооценка своих нравственных качеств по шкале *оценка* из методики «Личностный дифференциал» ($U = 2067$, $p < 0,00$) и волевых качеств (*сила*: $U = 2077$, $p < 0,002$). Вместе с тем по «Шкале DAS» у них выше показатели осознания быстротечности времени жизни ($U = 869$, $p < 0,007$) и озабоченности болью и стрессом ($U = 881$, $p < 0,01$). У них также ниже общий показатель жизнестойкости из методики «Тест жизнестойкости» ($U = 469$, $p < 0,05$) и оценки по шкале этого опросника *вовлеченность* ($U = 440$, $p < 0,03$).

Следовательно, мировоззренческое убеждение в трудности формирования хорошего отношения к мусульманам связано с психологическими особенностями личности человека. У тех, кто согласен с утверждением, более высокая самооценка, сочетающаяся с осознанием быстротечности жизни, неизбежно приближающей субъекта к смерти, и озабоченностью физической болью и стрессом, которые могут возникнуть при смертельных заболеваниях. Люди, лучше относящиеся к мусульманам, характеризуются большей жизнестойкостью, препятствующей возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях (за счет стойкого совладания со стрессами и восприятия

неприятных событий как менее значимых). Им присуща убежденность в том, что вовлеченность в происходящее дает максимальный шанс найти нечто стоящее и интересное для себя. Связь личностных качеств испытуемых с существующими в их сознании образами мусульманских террористов соответствует результатам проведенных ранее исследований понимания и переживания россиянами террористической угрозы [4], [5]. Макиавеллисты в меньшей степени, чем немакиавеллисты, переживают возможность стать жертвой теракта. Они понимают теракты прежде всего как способы решения задач, достижения определенных целей террористами и теми, кто за ними стоит: «Попытка решить свои проблемы за чужой счет». Испытуемые с высоким уровнем контроля ситуации по Шкале базисных убеждений ([4], [5]) понимают теракты как средство достижения политических, религиозных и других целей психически неуравновешенными людьми, которые не видят иных способов решения проблем: «Теракты совершают люди, которые боятся (и потому бьют из-за спины), но не знают других методов». Таким образом, исследование религиозных, конфессиональных предпочтений людей в контексте понимания террористической угрозы, безусловно, должно включать психологические компоненты.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ОТНОШЕНИИ К МУСУЛЬМАНСКИМ ТЕРРОРИСТАМ

На третьем этапе исследования анализировались различия в отношении россиян, проживающих в разных регионах страны, к стратегии государства в борьбе с терроризмом. Цель *третьего* этапа – сравнить результаты жителей Казани с данными, полученными в Москве и Саранске. Больше половины жителей Казани составляют татары [3]: можно предположить, что

процент мусульман среди них выше, чем в двух других городах. На этом этапе в исследовании приняли участие 391 житель Москвы, Саранска и Казани (242 женщины и 149 мужчин) в возрасте от 17 до 74 лет ($M = 25,3$ года, $SD = 11,4$).

Методика. Испытуемые отвечали на те же 12 вопросов, что и на втором этапе. Анализировались ответы испытуемых из разных городов по блоку отношения к методам проведения контртеррористических операций. Этот блок включал три вопроса: «По вопросу переговоров с террористами российское правительство, в отличие от западных стран, занимает очень жесткую позицию: мы никогда не будем вести переговоров, с террористами нужно не договариваться, а уничтожать их. Вы согласны с такой точкой зрения?»; «Теракты, осуществленные на территории Российской Федерации, стали возможными в основном вследствие неэффективной работы правоохранительных органов»; «Государство должно бороться с террористами правовыми методами: не уничтожать их, а арестовывать и судить. Например, если боевики засели в окруженном правоохранительными органами доме, то не расстреливать и разрушать дом, а предпринять длительную осаду (пока у них не закончатся продукты)».

Результаты. Казанцы не согласны с тем, что террористов нужно уничтожать, а не договариваться с ними; саранцы, наоборот, считают переговоры ненужными: $U = 5285$, $p < 0,01$. Москвичи присоединяются к мнению саранцев и также отличаются от жителей Казани: $U = 6871$, $p < 0,001$. Ни одна из групп испытуемых не согласна с тем, что с террористами следует бороться исключительно правовыми методами. Однако москвичи и саранцы более категоричны в своем несогласии, чем казанцы: $U = 8736$, $p < 0,02$; $U = 6345$, $p < 0,04$ соответственно. С неэффективностью работы правоохранительных органов согласны все испытуемые, значимых различий между ними нет.

Итак, по мнению многих россиян, главная задача нашего государства состоит в том, чтобы уничтожать террористов, а не арестовывать и судить их. Мне с таким мнением согласиться трудно, все-таки цивилизованное государство отличается от банды ориентацией на законы, а не на эмоции и инстинкт самосохранения. Подводя итог анализу территориальных различий, можно сказать, что жители Казани, среди которых предположительно больше мусульман, считают, что с мусульманскими террористами необходимо вести переговоры. Они в меньшей степени, чем москвичи и саранцы, убеждены в невозможности борьбы с террористами исключительно правовыми методами. Вероятно, дело здесь не в оправдании людей, совершающих теракты, а в лучшем понимании мотивов их поведения. Можно предположить, что жители Казани, знающие исламский мир, его социокультурные традиции лучше, чем москвичи и саранцы, осознают то, что террористов следует понимать как людей с иными, отличными от их собственных мировоззрением и поведением.

ОБЩЕЕ ОБСУЖДЕНИЕ

В нашем исследовании подавляющее большинство испытуемых были убеждены в том, что теракты чаще всего совершают северокавказские мусульмане, исповедующие ислам. В США аналогичный результат получен в работе Дж. Парк с соавторами: наиболее значимым атрибутом, понятием, ассоциирующимся с арабами-мусульманами, является терроризм. Это неудивительно, потому что в XXI в. для американцев оценка возможной террористической угрозы стала одним из приоритетов личной и национальной безопасности [23].

В этом контексте сегодня очень значимым является научный анализ двух психологических и социокультурных проблем — закономерностей формирования образа

чужого, в частности врага, и идентификации, умения посмотреть на мир глазами другого, поставить себя на его место. Я попытаюсь обосновать, что две названные проблемы тесно связаны между собой, научный анализ одной невозможен без углубленного изучения другой.

Проблемы стары, как мир: греки противопоставляли себя варварам, христиане — язычникам, Запад — Востоку. В основании этих и других оппозиций лежит «негативная идентичность»: стремление не понять своеобразие, инаковость другого, а интерпретировать его как искаженное свое. Еще Геродот, описывая греко-персидские войны, использовал по отношению к персам набор негативных штампов: они корыстны, коварны, порочны, малокультурны; если они побеждали, то лишь благодаря своей несметной численности, греки же побеждали мужеством и воинской выучкой. В наше время широкую известность приобрела книга Э. Саида об ориентализме как западной модели отношения к другим культурам [11]. Ее основной тезис заключается в том, что западные исследования изобилуют стереотипами об инаковости и отсталости Востока, особенно исламского мира. В то же время они лишают его идентичности и суверенности [11]. В такой интерпретации весь восточный мир в значительной степени понимается как искаженный, неправильный, недоразвитый западный.

Однако негативная проекция вместо идентификации и стремления постигать психологию других не только способствует порождению образов врагов, но и мешает самопониманию западных людей. Это обусловлено тем, «что «не-Я», чужое, все равно останется конструкцией нашего Я, поскольку мы будем выделять в нем именно то, что так или иначе перекликается с нашим «Я». То есть наш «Я-образ» уже заложен в саму модель чужого. Из этого вытекает четвертый принцип (ксенологии. — В.З.): образ чужого в той или иной культуре

(равно как и для той или иной личности) может служить важным показателем уровня ее собственного развития: скажи мне, какой твой чужой, и я скажу тебе, какой ты! Ибо образ чужого может быть инструментом как самоутверждения (чаще всего), так и самопонимания, самооценки, самокритики и даже самосовершенствования! Иными словами, образ чужого сделан из «материала заказчика» — «Я-образа», его страхов, ожиданий, комплексов, ревности, любви, ненависти, чувства справедливости и т.п.» [8; 62–63].

В современной науке заметное место занимают исследования проблем формирования представлений о чужом человеке и образе врага [1], [13], [14], [20], [22], [24].

Одним из социально значимых эмпирических контекстов изучения названных проблем является психологический анализ буллинга [17], частным проявлением которого является «школьная травля». Исследовавшие этот феномен В.С. Собкин и О.С. Маркина отмечают, что «высказывания всех участников буллинг-поведения указывают на проблему «инаковости»: «новенькие», «глупые», «наивные и доверчивые», «интриганы» и «выделяющиеся из толпы» дети становятся жертвами преследования. Они воспринимаются членами группы как «чужие», инакомыслящие, отвергающие свою групповую идентичность и получают клеймо «чуждого элемента общества»» [12; 51].

Теоретическое обоснование различения своего, чужого (пока не своего, но могущего стать таким) и чуждого, не приемлемого субъектом ни при каких обстоятельствах, ясно и понятно представлено в тезаурусной концепции организации субъектного знания [7] и в модели восприятия чужого Б. Шефера и Б. Шлёдера [15]. В названной модели понятие чужого (человека) характеризуется посредством соотношения трех переменных — знания, опыта и идентичности (как неизвестного, неиспытанного и «не своего»).

Чужое как неизвестное. В этом случае под чужим понимается все в другом, что человеку неизвестно, к чему он безразличен либо испытывает опасение или даже антипатию. Отсутствие знаний компенсируется стереотипами: в процессе понимания людьми критических ситуаций человеческого бытия социальные стереотипы нередко формируются по принципу «у страха глаза велики». Например, в наших предыдущих исследованиях ([4], [5]) контекстом, семантическим фоном понимания были стереотипные, не соответствующие действительности представления о террористах как необразованных, психически неуравновешенных агрессивных фанатиках, для которых чужая жизнь ничего не стоит. Без преувеличения можно сказать, что 99% испытуемых понимают психологию террористов так: «ожесточенные, затаившие обиду психически больные люди»; «не любящие свой народ, бедные умом, безнравственные, бесчувственные, потерянные, озлобленные, запрограммированные на смерть»; «религиозные фанатики, не способные контролировать свои действия из-за психологического или иного воздействия на их волю, им плевать на человеческие жизни в угоду денег»; «люди, которые ненавидят весь мир»; «самоубийцы, не задумывающиеся о других людях, о чужих жизнях, потерявшие веру в добро и мир на земле». Однако такой психологический портрет террориста совершенно не соответствует многочисленным научным данным. Согласно исследованиям, у исполнителей терактов нет высокого уровня психопатологии [21], они религиозны, вежливы, серьезны, спокойны, целеустремленны, отчужденны и немногословны [19]. Такой портрет весьма отличается от стереотипа импульсивного жестокого мусульманского террориста. Тем не менее большинство наших испытуемых склонны искать причины терактов прежде всего в психологическом облике и целях организаторов

и исполнителей взрывов (в частности, в московском метро).

Чужое как неиспытанное. «Явления, о которых у человека имеются знания, но которые им не освоены, тоже могут восприниматься как чужие. ...В этом случае свойства и формы поведения постороннего объекта известны, однако в конкретных условиях они не испытаны и не пережиты» [15; 24]. В наших исследованиях эта форма понимания чужого проявлялась в таком знании о мусульманских террористах, которое недостаточно осмыслено людьми. Жители Самары, Орла и других городов не имели конкретного опыта понимания и переживания терактов, поэтому такие знания не стали частью их экзистенциального опыта. Благодаря приобретению нового знания и его переживанию чужое может либо стать своим, либо окончательно превратиться в чуждое, «не свое», несовместимое с ценностями субъекта.

Чужое как «не свое». Не свое, чуждое — это то, что противоречит ценностям, нормам, принципам и жизненным ориентациям субъекта. «Не свое» в обсуждаемой модели определяется как такое несоответствие главным особенностям человека, восприятие которого связано с отрицательной эмоциональной валентностью, а своего — с положительной.

«Особая проблематика восприятия чужого возникает в результате определенной конstellации трех переменных — неизвестного, освоенного и отношения к “своему”. Чужое в более специфическом и узком смысле как просто неизвестное и неиспытанное означает, что данное положение вещей пока воспринимается как “свое”, но процесс познания еще не продвинулся настолько далеко, чтобы “другой” был бы провозглашен “своим”. Это состояние обозначается как угроза идентичности, связанная с противоречивыми чувствами» [15; 29].

Исследование, проведенное нами на взрослых испытуемых, показало, что

в основе понимания террориста лежит образ врага — чужого, который скорее внушает страх и актуализирует мысли о собственной смертности, чем побуждает к рациональному осмыслению проблем, связанных с террором. В представлениях о враге центральное место занимают эгоистичность, агрессивность и подозрительность. «Чем интенсивнее выражен комплекс отношений (враждебности, доминирования, агрессивности, подозрительности, эгоистичности), тем выше уровень маскулинизации врага и тем ниже оценка характеристик его внешнего облика» [13; 8].

Контрастными по отношению к российским являются данные, полученные Л. Оппенгеймером на голландских детях и подростках 7–13 лет. В его исследовании показано, что образ врага у старших детей отличается от образа у младших большей когнитивной сложностью. Старшие приписывают больше положительных качеств врагу, что может быть связано с развитием способности поставить себя на место другого. На вопрос о том, есть ли различия между врагом и самим респондентом, во всех возрастных группах большинство детей отвечали утвердительно. Однако с возрастом дети становятся все менее уверены в различии: если у семилеток таких детей 96%, то среди тринадцатилетних сохраняют уверенность уже только 59% [22]. Эти данные говорят о возрастной динамике развития когнитивной сложности межличностного понимания и идентификации, способности взглянуть на мир глазами другого (даже если он враг).

Наше исследование показало, что понимание террористической угрозы и отношение к террористам у жителей разных регионов страны неодинаково: точку зрения, близкую к суждениям голландских детей, способны высказать не все испытуемые, а только те, кто ближе к мусульманской среде. Чем в большей степени человек погружен в мусульманские культурные тради-

ции, больше знает о них, тем реалистичнее его понимание причин терактов и природы исламского терроризма. Различия в понимании одних и тех же событий представителями мусульманской культуры и других российских культурных традиций, в том числе ориентированных на западное мировоззрение, следует искать в неодинаковости способов осмысления мира, придании разного значения когнитивному осознанию и иррационально-чувственному переживанию. Одни и те же события представители мусульманской культуры и других российских культурных традиций понимают по-разному. Различия следуют из неодинаковости способов осмысления мира, придания разного значения когнитивному осознанию и иррационально-чувственному переживанию [6]. Важную роль в понимании терроризма и террористической угрозы играют принципиально различные типы человеческого бытия, порождающие неодинаковый опыт и знания людей. Например, чем в большей степени американские студенты-христиане знакомы с исламскими духовными текстами, тем меньше они согласны с тем, что их сограждане-мусульмане склонны с пренебрежением относиться к христианству и готовы осквернять его святыни [16].

Работы западных психологов, проводящих исследования с позиций идентификации, попыток взглянуть на проблему изнутри, глазами самих террористов, выявляют совсем иной, отличный от европейского, взгляд на проблему [21], [24]. Как выяснил Дж.М. Пост, который интервьюировал исламистов, осужденных за совершение терактов, большинство из них отнюдь не являются психически неуравновешенными одиночками. Напротив, они жили в условиях поддержки общины и уважения со стороны входящих в нее людей. Семьям террористов, которые были ранены, взяты в плен или убиты, оказывалась значительная экономическая помощь. Участники вооруженных атак считались героями.

Юноша, принадлежавший к движению Хамас или Фатх, считался выше по статусу, чем его сверстник, не принадлежащий к какой-либо группировке [24].

В последнее время в Европе камнем преткновения во взаимном непонимании мусульман и христиан стал вопрос о женских платках, закрывающих лицо. В нем особенно отчетливо видна тенденция христиан принимать решение о недопустимости ношения женщинами таких элементов одежды в публичных местах преимущественно на основании проекции, а не идентификации. Например, после 11 сентября 2001 г. авторы статей в журнале «Шпигель» стали значительно более критически относиться к платку как символу исламской интолерантности, фундаментализма, терроризма, политического ограничения, притеснения женщин, как препятствию на пути интеграции мусульман в Германии [20]. Иначе говоря, кусок ткани превратился в явный признак врага. Многие европейские политические деятели говорили, что такая одежда унижает достоинство женщин, ограничивает их свободу, нарушает права человека. Однако мусульманки (Ф. Лудин и другие) утверждают, что, наоборот, предписания, касающиеся того, что можно носить, а что нет, — это и есть ограничение свободы и унижение достоинства [20]. В Бельгии одна из клиенток адвоката И. Вутерс, мать четырех детей, требует аннулировать закон, запрещающий закрывать лицо в публичных местах. Она аргументирует это тем, что никто ее не принуждал носить паранджу, и она не понимает, почему ее нужно снять. По ее мнению, она больше не может быть свободной женщиной, выходящей из дома, например, в магазины, так как стала узницей этого закона.

С одной стороны, аргументы представителей власти выглядят вполне убедительно: по правилам общественной безопасности абсолютно неприемлемо, когда кто-то выходит на улицу, замаскиро-

вав лицо так, что невозможно установить личность. С другой стороны, видно, что некоторые европейцы и американцы отличаются незнанием восточных культурных традиций и искренним «ориенталистским» [11] убеждением в том, что только их понимание достоинства и прав человека является истиной в последней инстанции. С психологической точки зрения, это проекция без каких-либо попыток идентификации. Очевидно, что на таких основаниях можно сформировать образ врага, но нельзя прийти к взаимопониманию и согласию с другими.

*

Итак, понимание чужого, инакомыслящего как врага — общеловеческая и, в частности, общепсихологическая проблема. В контексте понимания террористической угрозы важную роль играют психологические исследования религиозных, конфессиональных, личностных предпочтений людей. Такие исследования обязательно должны включать анализ самопознания и самопонимания, потому что ответы на вопросы о том, чем я отличаюсь от чужого, могут препятствовать отрицанию и негативной идентификации людей с иным, отличным от нашего образом мышления. Значительный вклад в понимание личности и мотивов поведения мусульманских террористов вносят и знания об обычаях и нормах поведения в мусульманской социокультурной среде, исламском мире.

1. *Альперович В.Д.* Трансформации социально-психологических характеристик представленный взрослых о враге и друге: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов-н/Д.: ЮФУ, 2010.
2. *Буттаева А.М.* Исламское возрождение на Северном Кавказе: теоретические и прикладные аспекты. Автореф. дис. ... докт. филос. наук. Ростов-н/Д.: ЮФУ, 2011.
3. *Ванюхина Н.В., Григорьева О.В.* Восприятие образа террориста представителями различных этнических групп // Социально-

- психологическая безопасность народов России: Материалы 2-й Международной научной конференции. 26 мая 2011 г. / Под ред. И.М. Юсупова, А.М. Шевцова. Казань: Познание, 2011.
4. *Знаков В.В.* Понимание и переживание москвичами террористической угрозы // *Вопр. психол.* 2010. № 4. С. 64–74.
  5. *Знаков В.В., Турок Е.М.* Понимание и переживание террористической угрозы // *Вестн. МГУ. Сер. 14. Психология.* 2010. № 1. С. 58–69.
  6. *Кирабаев Н.С.* Homo philosophans: Сборник к 60-летию профессора К.А. Сергеева. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 316–323. (Серия «Мыслители»; Вып. 12).
  7. *Луков Вал.А., Луков Вл.А.* Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2008.
  8. *Лысенко В.Г.* Познание чужого как способ самопознания: Запад, Индия, Россия (попытка ксенологии) // *Вопр. филос.* 2009. № 1. С. 61–77.
  9. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1988.
  10. *Петренко В.Ф.* Многомерное сознание: Психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2010.
  11. *Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006.
  12. *Собкин В.С., Маркина О.С.* Влияние опыта переживания «школьной травли» на понимание подростками фильма «Чучело» // *Вестн. практич. психол. образования.* 2009. № 1 (18). С. 48–59.
  13. *Тулинова Д.Б.* Представления о враге и друге в связи с отношением к жизни на различных ее этапах: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов-н/Д.: РГУ, 2005.
  14. *Цепцов В.А.* «Образ врага» в сознании россиян: дискурсивно-когнитивная модель // *Ситуационная и личностная детерминация дискурса / Под ред. Н.Д. Павловой, И.А. Зачесовой.* М.: Ин-т психологии РАН, 2007. С. 259–284.
  15. *Шефер Б., Скарabis М., Шлёдер Б.* Социально-психологическая модель восприятия чужого: идентичность, знание, амбивалентность // *Психология. Журнал Высшей школы экономики.* 2004. № 1. С. 24–51.
  16. *Abu Raiya H.* et al. When Muslims are perceived as a religious threat: Examining the connection between desecration, religious coping, and anti-Muslim attitudes / *Abu Raiya H., Pargament K.I., Mahoney A., Trevino K.* // *Basic and Applied Soc. Psychol.* 2008. V. 30. P. 311–325.
  17. *Fitzpatrick M.E.* et al. The importance of workplace bullying to vocational psychology: Implications for research and practice / *Fitzpatrick M.E., Cotter E.W., Bernfeld S.J., Carter L.M., Kies A., Fouad N.A.* // *J. of Career Development.* 2011. V. 38. N 6. P. 479–499.
  18. *Greenwald A.G., McGhee D.E., Schwartz J.L.K.* Measuring individual differences in implicit cognition: The implicit association test // *J. of Pers. and Soc. Psychol.* 1998. V. 74. N 6. P. 1464–1480.
  19. *Grimland M., Apter A., Kerkhof A.* The phenomenon of suicide bombing: A review of psychological and nonpsychological factors // *Crisis.* 2006. V. 27. N 3. P. 107–118.
  20. *Hess-Lüttich E.W.B.* Fremdbilder – Feindbilder? Ein Islam-Bild in der deutschen Presse. Zur Kopftuch-Debatte im SPIEGEL 1998–2008 // *Vom Verstehen zur Verständigung. Dokumentation der öffentlichen Vorlesungsreihe zum Europäischen Jahr des Interkulturellen Dialogs 2008.* Göttingen: Universitätsverlag Göttingen, 2009. S. 77–96.
  21. *Moghaddam F.M.* The staircase to terrorism: A psychological exploration // *Amer. Psychologist.* 2005. V. 60. N 2. P. 161–169.
  22. *Oppenheimer L.* Are children's views of the «enemy» shaped by highly-publicized negative event? // *Intern. J. of Behav. Devel.* 2010. V. 34. N 4. P. 345–353.
  23. *Park J., Felix K., Lee G.* Implicit attitudes toward Arab-Muslims and the moderating effects of social information // *Basic and Appl. Soc. Psychol.* 2007. V. 29. N 1. P. 615–636.
  24. *Post J.M.* Psychological operations and counterterrorism // *Joint Force Quart.* April 2005. Iss. 37. P. 105–110.
  25. *Pötzl N.F.* «Schatten über Almany» // *Spiegel Special.* 2008. N 2. S. 9–13.
  26. *Rowatt W.C., Franklin, L.M., Cotton M.* Patterns and personality correlates of implicit and explicit attitudes toward Christians and Muslims // *J. for the Scientific Study of Religion.* 2005. V. 44. Iss. 1. P. 29–43.
  27. *Sarrazin T.* Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2010.

Поступила в редакцию 24.I 2012 г.

The image of enemy as a psychological foundation for understanding Muslim terrorists by Russians

V. V. Znakov

The author analyzes a typical contemporary tendency towards a conflict of Christian and Muslim values, as well as psychological studies of the enemy image, citing findings of three studies conducted in seven cities of Russia. One of the studies looked into ideas of ideological and human qualities of Muslim terrorists characteristic of subjects belonging to different ethnic and religious groups. Another analyzed attitude to Muslims in people with different personality characteristics. The third studied territorial differences in attitude to Muslims and to the government's strategy for combating terrorism. It has been discovered that 1) the majority of Russians tend to associate terrorist acts with Muslim terrorism; 2) ideological acceptance or rejection of Muslims from the Northern Caucasus as potential terrorists covers the whole of an ethnic and religious group; 3) conviction that it is almost impossible to form a positive attitude towards Muslims is linked to a person's human qualities (self-esteem, stamina, attitude to death), 4) people living in a Muslim culture demonstrate better understanding of terrorists' motives.

Key words: understanding, identification, image of the enemy, alien, Muslim terrorism.